

происхождением: это явно константинопольская работа, *spolia*. Использование *spolia* для визуального обоснования легитимности известно для предыдущих периодов, и здесь колонны служат той же цели. Росписи интерьера полностью соответствуют византийским традициям. Программа фресок имеет параллели в современном искусстве, но все они подчинены идее акцентирования императорской фигуры и власти императора. Зрителю навязываются ассоциации между императором и Христом, Трапезундом и раем, происхождением Великих Комнинов и древом Есеевым и т.п. Художники оставляют намеки на военные победы императора. Стиль же росписей абсолютно уникален. Схожие тенденции – работа с объемом, массивностью фигур и динамизмом – присутствуют в современном искусстве, но на этом сходство заканчивается.

Наконец, Истмонд переходит к рассмотрению фигуры самого императора. Для этого он использует изображение Мануила на стене Святой Софии. Само изображение не сохранилось, но есть его словесное описание и акварельная зарисовка XIX в. Мануил изображен не в византийских одеждах. Очевидно, он ориентировался не строго на константинопольские, но и на локальные представления о том, как может и должен выглядеть наделенный высшей властью человек. Вместе с тем очевидны и тенденции, характерные для всех претендентов на константинопольский престол: поддержка локального культа (медальон со святым Евгением) и использование в качестве символа власти двуглавого орла.

Автор считает, что трапезундская концепция византийской власти во многом отличается от традиционной константинопольской и учитывает политические реалии современности. Это более гибкая и терпимая идея, чем победившая в Константинополе в 1261 г., с возвращением туда Михаила VIII Палеолога. Видение империи самими Великими Комнинами – идеал, объединяющий множество культурных вариаций, но при этом анатолийские мотивы покрывают византийскую суть. Мануил сознательно сочетал локальные и константинопольские традиции для создания такого образа власти, который найдет поддержку в его государстве. Но даже если предположить, что все проанализированные явления – результат подсознательно принятых решений и несформулированных представлений о том, “как надо”, результат поражает еще сильнее. В таком случае мы имеем иллюстрацию не личных идей Мануила, но представлений его подданных о том, что должна являть собой империя, их интерпретация византийской власти, персонифицированной в Мануиле. На практике, очевидно, оба подхода сочетались. Образ Мануила и его власти формировался не только его личными желаниями, но и представлениями его подданных о том, каким он должен быть.

Э. Истмонд рассматривает архитектурный и художественный памятник в контексте эпохи, учитывая экономические и политические реалии Анатолии XIII в. Это, несомненно, один из лучших образцов использования памятника искусства и искусствоведческого анализа в работе историка. В книге очень много фотографий, планов, прорисовок, позволяющих сопоставить все утверждения автора непосредственно с анализируемым материалом. Безусловно, рассматриваемая работа заслуживает самых высоких оценок.

М.С. Меньшикова

Стратегикон Маврикия / Издание подготовил В.В. Кучма. СПб.: Алетейя, 2004 (Серия “Византийская библиотека. Исследования”). 244 с.

Значительно выросший за последнее время интерес к истории войн и военному делу способствовал появлению значительной литературы по теме не только академической, но также научно-популярной. Среди научных трудов важное место занимают публикации источников, часть которых была в последнее время переведена на русский язык впервые. В 2002 г. известный волгоградский византинист В.В. Кучма, более 30 лет изучающий военное дело Византийской империи, выпустил в свет новый перевод трактата *De velitatione bellica* и первый полный перевод трактата *De castrametatione*¹. Затем исследователь обратился к более основательному и более древнему памятнику: “Стратегикону” Маврикия, подлинной энциклопедии для сухо-

¹ Два византийских военных трактата конца X века / Издание подготовил В.В. Кучма. СПб., 2002.

путной армии Византийской империи V–VII вв., своего рода военному уставу, предназначенному для военачальника. Необходимость в переводе трактата на русский язык назрела давно: до сих пор имелся лишь перевод капитана М.А. Цыбашева, выполненный не с греческого оригинала, а со старого перевода трактата на латинский язык, сделанного страсбургским филологом и историком И. Шеффером (1664)². В основе же перевода В.В. Кучмы лежит новейшее венское издание Дж. Денниса³. К сожалению, вследствие этого в переводе отсутствует столь удобное для цитирования деление текста на параграфы, введенное в предыдущем румынском издании Махезеску⁴.

Открывается книга обширным введением (с. 5–59), в котором В.В. Кучма сообщает об основных сюжетах, затронутых в трактате. Однако сделанные при этом ссылки на новейшую историографию свидетельствуют о ряде упущений, особенно во второй части введения (со с. 23). В частности, автор лишь упоминает одну из работ П.В. Шувалова (с. 21, примеч. 2), без оценки его точки зрения на проблему авторства трактата и гипотезы о многослойности произведения (см. с. 134, примеч. 1; с. 137, примеч. 1; с. 142, примеч. 2)⁵. К сожалению, и библиография, приводимая В.В. Кучмой в конце книги (с. 235–238), обрывается на 1988 г., за исключением одной работы самого автора (1996) и двух ссылок на статьи в “Византийском временнике” за 2002 г. В частности, В.В. Кучма не упоминает о концептуальных работах современного английского исследователя Филипа Рэнса, посвященных проблемам позднеантичного военного дела и “Стратегикону” в частности⁶.

Во время работы переводчик всегда оказывается между Сциллой и Харибдой, т.е. стремлением предельно точно передать текст первоисточника, приводящим порой к “неблаговзвучию” в языке перевода, с одной стороны, и соблазном пересказать смысл текста в легко читаемой и литературно отделанной форме, пренебрегающей нередкой особенностями стиля оригинала – с другой. Совместить эти два подхода, удается не всегда. В.В. Кучма предпочитает точно передавать стиль автора, особенно “военно-теоретические и военно-исторические реалии”. Он предлагает “в большинстве случаев сохранять без перевода военные термины, особенно те из них, которым трудно подыскать совершенно точные значения в современном русском языке” (с. 58). Для быстрого ознакомления с текстом трактата такой подход вполне уместен. Конечно, позиция автора в отношении перевода специальных военных терминов, которым нет строгих аналогов в русском лексиконе, заслуживает поддержки. Однако, как представляется, часть греческих слов, которые В.В. Кучма оставляет без перевода, все же можно было бы перевести, чтобы облегчить понимание текста читателем, не заставляя его каждый раз искать обращаться к комментариям. В частности, на наш взгляд, без всяких смысловых утрат поддаются переводу такие слова, как “рога” (с. 70) – “жалованье, довольствие”, “кастрон” (с. 78, 80) – “укрепление”, “токсот” (с. 87 и слл.) – “лучник”, “контаг” (с. 85) – “копейщик”, “фламула” (с. 93–94) – “флюгер, флажок”, “катаскоп” (с. 116, 125 и т.д.) – “разведчик”, “фигомахия” (с. 117, 138) – “ложное бегство”, “гиппокласты” (с. 118) – “ловушки”, “аконтист” (с. 162 и слл.) – “дротикометатель”, “клизура” (с. 164) – “теснина”, “фрурион” (с. 165, 177) – “укрепление”, “петроболы” (с. 175 и слл.) – “камнеметы”, “скутат” (с. 193 и слл.) – “щитоносец”. В особенности неоправданным выглядит отказ от перевода слов, обозначающих обычные исторические реалии: лучник, разведчик, щитоносец.

Некоторые слова можно было бы перевести в принципе как-то иначе, чтобы избежать аналогий с другими реалиями, которые они обозначают. В частности, это касается “гиматия”

² *Маурикий*. Тактика и стратегия / Пер. с лат. М.А. Цыбашева. СПб., 1903.

³ *Das Strategikon des Maurikios* / Ed. von G. T. Dennis; Übersetzung von E. Gamillscheg. Wien, 1981 (Corpus fontium historiae Byzantinae. Vol. XVII).

⁴ *Mauricius. Arta militară* / Ediție critica, traducere și introducere de H. Mihăescu. București, 1970 (Scriptores Byzantini. VI).

⁵ *Шувалов П.В.* Урбийкий и “Стратегикон” Псевдо-Маврикия // ВВ. 2002. Т. 61. С. 71–87.

⁶ *Rance Ph.* *Tactics and Tactica in the Sixth Century: Tradition and Originality*. PhD thesis. St. Andrews, 1994; *Idem. Simulacra pugnae: the Literary and Historical Tradition of Mock Battles in the Roman and Early Byzantine Army* // Greek, Roman and Byzantine Studies. 2000. Vol. 41. P. 223–275; *Idem.* Drungus, Δρούγγος and Δρούγγιστή – a Gallicism and Continuity in Roman Cavalry Tactics // *Phoenix*. 2004. Vol. 58. № 1–2. P. 96–130; *Idem.* The Fulcum, the Late Roman and Byzantine *Testudo*: the Germanization of Late Roman Tactics? // Greek, Roman and Byzantine Studies. 2004. Vol. 44. P. 265–326.

(с. 69): у Маврикия это не обычная верхняя одежды греческого гражданина, аналог римской тоги, а попросту “плащ”. Поэтому и выражение самого В.В. Кучмы “готские гиматии” (с. 31) выглядит странным. Вместо “турки” (с. 85 и слл.) стоило бы переводить “тюрки”, что не вызвало бы аналогий с сельджуками или османами, а содержало бы точное указание на период раннего средневековья. Противников Ганнибала следовало бы именовать не “ромеями”, а “римлянами” (с. 158). Обозными телегами должны были бы управлять возницы, а не “возничие” (с. 217), которые обычно ассоциируются с колесницами.

Перевод В.В. Кучмы снабжен подстрочными примечаниями, носящими преимущественно текстологический и терминологический характер. Однако некоторые пояснения переводчика представляются дискуссионными. Так, он полагает, что петли для копий всадников, заимствованные от аваров, служили для метания (с. 31), тогда как по тексту Маврикия⁷ видно, что эти копы были колющим, а не метательным оружием. Таким образом, петли, о которых идет речь, помогали всаднику держать пику на плече во время стрельбы из лука.

В.В. Кучма однозначно считает, что штандарты в виде драконов римляне заимствовали от парфян и что эти значки уже со времени Траяна стали служить штандартом когорты (с. 206, примеч. 2). Более вероятным кажется предположение, что они были заимствованы из сармато-аланского мира: Арриан прямо называет эти штандарты “скифскими”⁸, причем его описание является первым письменным свидетельством о заимствовании римлянами значка-дракона (136 г.). Вероятно, этот штандарт появился в армии империи недавно, и именно поэтому автор так подробно описывает его конструкцию, плохо известную современному ему читателю⁹. Согласно Арриану, дракон был значком небольшого отряда конницы, поскольку сказано, что это подразделение должно было легко маневрировать на учебном плацу. Возможно, это была декурия, и лишь с III в. можно говорить о том, что данный значок стал использоваться римской пехотой¹⁰.

Явно ошибочно выглядит утверждение В.В. Кучмы о том, что вагенбург “широко применялся в античных и средневековых армиях” (с. 206, примеч. 4). В средневековых – да, в античных (греко-римских) – нет. В византийских войсках он встречается только с VI в.¹¹ Ошибочна также интерпретация В.В. Кучмой стандартного метательного оружие позднеримского пехотинца *matio-barbulum*. Он полагает, что это было “метательное копье в виде дротиков со свинцовыми наконечниками” (sic!), которые перегибались, попадая в щит противника (с. 204, примеч. 2). Во-первых, *matio-barbula* (= лат. *plumbata*) была не копьем, а стрелой с оперением, предназначенной для метания рукой, а не из лука. В ней для утяжеления веса использовался свинцовый груз, находившийся в месте крепления наконечника к древку¹². Во-вторых, в переводе смешаны действия данной стрелы и римского пилума, который действительно имел наконечник с длинной втулкой из мягкого железа, перегибающийся при попадании в щит¹³.

О такой греческой мере длины, как “расстояние полета стрелы”, которая, как замечает переводчик, у самого Маврикия варьируется (с. 88, примеч. 1), стоило бы заметить, что данная мера не была абсолютно фиксированной, а приблизительной и варьировалась в широком диапазоне¹⁴. В другом пассаже Маврикий использует и аналогичную римскую меру длины: расстояние полета дротика, у автора – *βηρόττα* (= *verutum*)¹⁵. В качестве примерной аналогии укажем на употребляемые ныне выражения “одной остановкой дальше” или “на высоте птичьего полета”.

⁷ *Mauric. Strat.* I, 1, 5; 2,2; XI, 2, 6.

⁸ *Arrian. Tact.* 35. 2.

⁹ *Ibid.* 35. 2–4.

¹⁰ *Amm. Marc.* XV. 5. 16; XVI. 10. 7; *Scriptores Historiae Augustae.* XXIII. 8. 6; XXVI. 31. 7; *Veget. Epit.* I. 20; II. 7, 13; III. 5.

¹¹ Ср.: *Veget. Epit.* III. 10.

¹² Описание модификаций данного оружия см. в анонимном латинском трактате IV в. *De rebus bellicis*, 10–11 / Ed. R. Ireland; ср.: *Veget. Epit.* I. 17; III. 14; IV. 21. 29.

¹³ *Caes. Bel. Gall.* I. 25. 2–4; *Appian. Celtic.* 1. 1; *Arrian. Acies contra Alanos.* 17.

¹⁴ Согласно исследованиям У. Маклеода, длина полета стрелы варьировалась от 60–70 до 160–175 м (*McLeod W. The Rage of Ancient Bow // Phoenix.* 1965. Vol. 19. N 1. P. 1–14; 1972. Vol. 26. N 1. P. 78–82).

¹⁵ *Mauric. Strat.* XII. 8. 2. 2; в переводе В.В. Кучмы – с. 204.

Иногда в тексте недостает перекрестных ссылок на другие страницы, где уже были сделаны необходимые пояснения. Так, например, не объяснено, что имеется в виду под “хорион” на с. 29. Комментарий к этому термину дан только на с. 194 (примеч. 1). Не разъясняется и то, чем лагеря “харакс” и “стратопедон” отличались от других видов военных стоянок (с. 148, примеч. 3; с. 149, примеч. 1). В главе о прохождении через теснины отсутствует пояснение военного термина “двойная фаланга” (с. 168), хотя, вероятно, имеется в виду стандартное построение армии в две колонны¹⁶.

К недостаткам издания следует отнести и отсутствие оглавлений, которыми снабжены книги “Стратегикона”. В конце первой книги (на с. 83) опущен последний параграф-абзац. В третьей книге произошел сбой в рубрикации, и в переводе оказалось на две главы меньше, чем в оригинале, в котором насчитывается 16 глав. Схемы в тексте трактата упрощены до предела и в связи с этим недостает части условных обозначений “Стратегикона” (с. 198, XII, А, 1), хотя можно было бы заимствовать эти обозначения или их часть из оригинала.

Часть замечаний следует отнести не только к автору, но и к редактору или корректору. Например, на с. 8 в примеч. 1–2, 4–5 указаны номера страниц, тогда как в примечаниях 3 и 6 они отсутствуют. Подобный же разбой в оформлении присутствует во введении повсеместно (с. 5–58). На с. 41 нет важных ссылок на упоминаемые тут же аналогичные пассажи о поимке вражеских разведчиков у Полибия, Вегеция и “Византийского анонима VI в.”, трактат которого теперь чаще идентифицируют с сочинением Сириана Магистра. Также нет ссылки на приводимую у Маврикия цитату из аттического оратора Исократ (с. 152, примеч. 2), а ссылка на девятую книгу “Илиады” Гомера снабжена лишь номером страницы (с. 157, примеч. 1), но о каком издании или переводе идет речь, не ясно и из списка источников (с. 234–235). Поясняя военный термин “отпуск”, В.В. Кучма приводит цитату из Льва Мудрого только по-гречески, без перевода (с. 78, примеч. 2). Также римское личное имя Lucius лучше традиционно передавать как Луций, а не “Люсий” (с. 17). “Италийские” военные упражнения никак нельзя назвать без особых оговорок варварскими (с. 32), ведь италиков римляне не считали варварами. Наконец, на серийном титуле книги “Византийская библиотека” перевод ошибочно помещен в рубрику “Исследования”, а не “Источники”.

В книге встречаются слова или фразы, написание которых можно трактовать как опечатки или ошибки. Латинским названием шлема было *cassis*, а не *kassis* (с. 66, примеч. 5). Впрочем, такие погрешности единичны. При переводе описания вооружения германских воинов утверждается, что меч они носят за спиной (с. 188), тогда как следовало бы перевести: “Вооружаются же они щитами, копьями и короткими мечами, висящими у них на плечах”¹⁷ (иначе говоря, меч просто висел на плечевой портупее).

В целом, несмотря на высказанные замечания, новый перевод “Стратегикона” является важным вкладом не только в отечественную византистику, но и в разработку различных аспектов древнего и средневекового военного дела вообще. Данный перевод трактата на русский язык позволит использовать информацию, содержащуюся в нем, не только специалистам-византистам, но и более широкому кругу историков, которые не владеют языком оригинала. Несомненно, перевод будет способствовать более активному введению этого памятника в научный оборот. Можно только пожалеть, что осталось без перевода приложение Урбикия, связанное со “Стратегиконом”, о передвижных рогатках, тогда как перевод трактата об охоте к книге приложен.

А.К. Нефёдкин

¹⁶ *Aelian. Tact. 36. 3; Arrian. Tact. 28. 6.*

¹⁷ *Mauric. Strat. XI. 3. 2.*